

Костров А. В.

СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ ПОКРОВСКАЯ ОБЩИНА Г. ИРКУТСК В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/6-1/43.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 6 (13): в 2-х ч. Ч. I. С. 112-114. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

и служителей культа ... Пресекать попытки выхода служителей культа за рамки богослужебной деятельности» [ГАПО: 126].

В это время наблюдается явная активизация мусульманских религиозно-националистических настроений в южных республиках СССР, чему способствовали не только внутренние демографические и социально-экономические факторы, но и война в Афганистане и революция в Иране, имевшие следствием укрепление в СССР позиций исламского фундаментализма. Органы КГБ отмечали, что среди таджикской и узбекской молодежи широкое распространение получило ваххабитское учение. В 1979 г. было принято постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», напомнимшее партийным комитетам о необходимости разработки и осуществления конкретных мер по усилению атеистического воспитания. В сентябре 1981 г. появилось постановление «О мероприятиях по противодействию попыткам противника использовать «исламский фактор» во враждебных Советскому Союзу целях», дополненное в апреле 1983 г. постановлением «О мерах по идеологической изоляции реакционной части мусульманских священнослужителей». В постановлении июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС «Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии» вновь были актуализированы задачи и по усилению атеистического воспитания.

Уровень религиозности в СССР снижался, однако, не только за счет административных притеснений и атеистического воспитания населения, но и вследствие секуляризации общественных отношений, планомерно внедрявшегося светского образа жизни. Тем не менее, историческая практика доказала, что ислам в социалистическом государстве и постсоветских условиях не только не потерял свою самобытность, но и приобрел новые очертания, еще раз доказав свою универсальность и восприимчивость к новым, казалось бы совершенно неприемлемым для него условиям.

Список литературы и источников

Гайнутдин Р. Ислам в современной России. - М., 2004.

Государственный архив Пензенской области (ГАПО) Ф.2392. Оп.1. Д.1.

Ислам: происхождение, история и современность. - М.: Знание, 1984.

Набиев Р. А. Ислам и государство. Культурно-историческая эволюция мусульманской религии на европейском Востоке. - Казань, 2002.

Одинцов М. И. Государство и церковь в России. XX век. - М., 1994.

Muslims of the Soviet Empire: A Guide. - L., 1986.

Roy O. Islam and Resistance in Afghanistan. - Cambridge, 1980.

СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ ПОКРОВСКАЯ ОБЩИНА Г. ИРКУТСК В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

*Костров А. В.
Иркутский государственный университет*

Старообрядческие общины региона, как впрочем, и старообрядчество других территорий, в начале XX в. представляли собой одну из движущих сил развития российского общества. И хотя староверы Иркутской губернии (которых в тот период насчитывалось около 4 тысяч человек) не играли такой важной экономической роли как в Московском промышленном районе или в соседнем Забайкалье, все же, в дореволюционный период эти общины достаточно стабильно развивались и оказывали определённое влияние на экономическую жизнь города и губернии. Особую роль в развитии регионального староверия играли городские общины, которые были не только духовными, но также и социально-экономическими центрами своего согласия. Они же были для своих единоверцев и опорными пунктами и перевалочными базами в переселенческом движении из центральных губерний на восточные территории.

Начиная с 1905 г. в истории старообрядчества и всего российского общества начался новый период. После выхода в 1906 г. закона о порядке регистрации и функционирования старообрядческих общин они начинают оформляться по всей стране. Больше всего общин регистрировалось в экономических центрах страны – городах, где они были необходимы староверам для решения своих, в том числе экономических проблем. В Иркутске было зарегистрировано две общины: «Поморского согласия, не приемлющая священства» и «Покровская, приемлющая белокриницкую иерархию». При этом деятельность последней была более заметной, причиной чему, кроме прочего, была её принадлежность к согласию, которое в тот период наиболее активно развивалось.

Центром общины был храм Покрова Пресвятой Богородицы, находящийся на Русиновской улице. Он был освящен прибывшим из Томска старообрядческим епископом Иосафатом 15 мая 1907 г. [Романов 1994: 86]. Настоятелем храма был поставлен старообрядческий иерей Георгий Шарыпов. Характерно, что землю под строительство храма приобретал на своё имя, а во многом и на свои деньги, иркутский купец И.Е. Тюлькин, живший на Тихвинской улице. При этом покупка производилась ещё до регистрации общины. Это было вызвано тем, что по новому закону староверы имели право зарегистрировать общину, но не были обязаны этого делать. И даже необходимость каких-либо общественных коммерческих операций или вопросы

строительства храма не всегда вели к её регистрации. Более того, даже зарегистрированные общины имели право проводить какие либо коммерческие операции с капиталом более 5000 руб. только с «высочайшего» разрешения. Поэтому староверы нередко решали эти вопросы по старинке, через доверенных лиц. Последние, кстати, чаще всего были состоятельными представителями старообрядческого сообщества. В этом смысле пример купца Тюлькина, купившего землю для строительства храма общины ещё до её регистрации, достаточно показателен. Кроме прочего в нём проявилась манера староверов «вести дела».

«Покровская община старообрядцев, приемлющих белокрыницкую иерархию» была зарегистрирована 25 февраля 1908 г. [Колмаков 2003: 206]. Управляющим органом в Покровской общине был Совет в составе председателя, товарища председателя и четырёх членов. Так как в общинах поповцев священник традиционно играл важную роль, то председателем Совета был протоирей Георгий Шарыпов. Товарищем председателя был И.П. Складчин, членами – Д. Зверев, И. Шаронов, И. Сидов и Ф. Костин [ГАИО, ф. 279, оп. 1, д. 1]. Председатель Совета должен был следить за соблюдением законности функционирования общины, заверять документы, представлять интересы общины в суде и при коммерческих сделках, а также быть её представителем в сношениях с властями. Члены Совета должны были помогать председателю и имели круг своих конкретных обязанностей. Кроме того, члены Совета имели право голоса при решении важных вопросов.

В 1911 г. Покровская община обзаводится своей печатью для документов. Видимо, это связано с ростом делопроизводственной и другой документации, требующей заверения. Это может говорить о росте общественной и коммерческой деятельности общины в тот период.

В отличие от деревень Верхнеудинского уезда Забайкальской области, или ряда деревень Иркутской губернии (например – д. Хор-Тагна), где староверы проживали компактными группами, в Иркутске они проживали дисперсно. Объединяющим началом общины в данном случае была не территория проживания, а приходская церковь. Более того, Покровская церковь обслуживала не только старообрядцев города, но и староверов белокрыницкого согласия, проживающих в губернии, а также следовавших через Иркутск в разных направлениях. Всего в общину входило несколько сотен человек и количество её представителей постоянно увеличивалось.

Относительно стабильное демографическое развитие общины в дореволюционный период отчасти было обусловлено соотношением рождений и смертей её представителей. И хотя уровень рождаемости в городских общинах был несколько ниже, чем в сельских, в целом он был достаточно высок. Характерно, что наряду с высокой рождаемостью (15 и более детей) имела место высокая детская смертность. При этом около 90% из умерших детей были в возрасте до 1 года. Этот факт показателен. Старообрядческие общины, будучи традиционалистскими сообществами, сохраняли характер демографического движения, присущий традиционным обществам. Наряду с высоким уровнем рождаемости сохранялась высокая детская смертность, которая выступала естественным регулятором воспроизводства сообщества (слабые умирали в детстве, а здоровые выживали и становились работниками, способными дать здоровое потомство). Показательно, что при этом очень низок процент смертности среди подростков и молодых людей, которые, как правило, были здоровы. И всё-таки, основным фактором демографического роста Покровской общины в тот период был приток староверов из других, и, прежде всего, центральных губерний.

В составе Покровской общины местных было около 30%, при этом только половина из них была иркутянами. Другую половину составляли выходцы из разных уездов Иркутской губернии, которые поселились в городе. Больше всего в город переезжало из Иркутского, Нижнеудинского и Балаганского уездов. В губернский центр из Иркутского уезда переезжали больше всего из Тельминской, Усть-Балейской и Оёкской волостей. Из Нижнеудинского уезда больше всего переехавших давали Куйтунская и Братская волости. Из Балаганского уезда – Бельская, Идинская, Осинская и Черемховская волости. Балаганский уезд давал около половины переехавших в Иркутск и его окрестности староверов. Кроме прочего, это объясняется тем, что в своё время, размещая сосланных староверов на территории губернии, власти отдавали предпочтение именно этому уезду. В силу этих и других обстоятельств в этом уезде сложились достаточно большие местные общины, которые становились источником пополнения городского старообрядчества. Сам же факт внутригубернской миграции староверов и особенно её характер говорят о нарастающем процессе урбанизации, который сопутствовал экономическому развитию края.

Около 70% состава Покровской общины были выходцами из других губерний и областей. Из Забайкальской области, а именно из Верхнеудинского уезда, было ок. 2% общинников. Такое небольшое количество объясняется тем, что белокрыницкое согласие было не столь распространено в Забайкалье. Поэтому представители «семейских» старообрядцев, осевшие в городе в общину не шли, а в силу сложившейся в беглопоповщине традиции отправляли культ в домашних условиях. Надо сказать, что подобные «семейские» иркутяне чаще всего были торговыми представителями семейских общин Забайкалья, представляя в Иркутске их интересы. Основной массив общины состоял из выходцев из других Сибирских, Уральских и особенно – европейских губерний и областей Российской Империи. Больше всего было выходцев из Могилевской губернии – ок. 10%. Далее следовали Саратовская – ок. 7%, Пермская – 5%, Вятская – ок. 4% губернии и Область Войска Донского – 4%. По несколько процентов дали Московская – ок. 3%, Енисейская – ок. 3%, Рязанская – 3%. Далее следовали: Витебская – 2%, Тобольская – 2%, Тюменская – 2%, Черниговская – 2%, Минская – 2%, Нижегородская – 2% губернии. Киевская, Лифляндская, Смоленская, Казанская и др. губернии, а также Царство Польское дали по 1% переселенцев. В целом, в составе Покровской общины в начале XX в. были представлены 25 губернии и областей империи [ГАИО, ф. 279, оп. 1, дд. 1-5]. Для новоприбыв-

ших община играла очень важную роль. Им всегда было к кому обратиться за поддержкой. Вместе с тем, община играла важную роль при решении проблемы поиска брачной пары для подрастающего поколения. И если для староверов, проживающих в местах компактного расселения, эта проблема не стояла так остро, то переселенец зачастую мог найти брачного партнера своего согласия только в общине.

В социальном отношении община не была однородной и включала в себя представителей практически всех групп населения. Самой большой группой – ок. 50% были крестьяне. На втором месте по количеству были мещане – 38%. Казаки составляли 5% и в основном были мигрантами из разных казачьих областей. Купеческое сословие было представлено иркутскими купцами и составляло ок. 5%. Самой малочисленной группой в общине было дворянство, представленное потомственными почетными гражданами и составляющее ок. 2%.

В числе членов общины, переселившихся в такой региональный экономический центр как Иркутск, мы видим и коммерсантов из других торговых городов и крестьян, мигрировавших как по делам торговым, так и в силу малоземельности у себя на родине. Те и другие находили поддержку в общине, которая выполняла не только функции религиозного центра, но и (как это часто было в старообрядческой среде) центра социального и экономического. Она консолидировала группу по конфессиональному признаку и обеспечивала всемерную поддержку её членам. Община выступала организацией, которая не только помогала справляться со своими проблемами местным старообрядцам, но и помогала староверам-переселенцам с наименьшими потерями и наибольшими приобретениями пройти адаптацию в новых для них условиях. Приток же новых членов позволял самой общине достаточно стабильно развиваться в религиозно-культурном и социально-экономическом отношениях.

Список литературы

ГАИО. – Ф. 279. – Оп. 1. – ДД. 1-5.

Иркутская летопись. 1661-1940 гг. / Сост. Ю. П. Колмаков. - Иркутск, 2003. - 765 с.

Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902-1924 гг. - Иркутск, 1994. - 265 с.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ РОССИИ В БРИТАНСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ НАЧАЛА XX ВЕКА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Котлова Е. С.

Северный государственный медицинский университет

Отсчет истории русско-британских отношений принято вести со времен Ивана IV. В конце XIX - начале XX века Британия стала притягательной для русской оппозиционной интеллигенции. Во второй половине XIX века в Лондоне выпускались запрещенные в России газеты и журналы. Там же устраивались съезды русских революционеров и Дягилевские сезоны.

За четыре столетия британцам удалось близко познакомиться с политической, экономической, культурной жизнью России. Постепенно появлялись определенные стереотипы в общественном восприятии России, как страны, находящейся на востоке, страны «неевропейской» во всех отношениях.

Британские авторы много писали о России, ее проблемах, вопросах демократии и пр., тем самым влияя на становление и развитие «россики» в странах Запада.

Долгое время изучение России в Великобритании не носило научного характера. В основном появлялись публицистические работы. Книжки, газетные статьи и путевые заметки писали не только англичане, но и русские политические эмигранты, осевшие в Великобритании (С. М. Степняк-Кравчинский, Ф. А. Ротштейн, П. А. Кропоткин и др.).

Активно писали о России такие британские газеты как «The Times», «Fortnightly Review» и «Daily Telegraph». На страницах последней, несмотря на небольшой объем, материалы, содержащие экскурсы в русскую историю, появлялись почти еженедельно.

Одним из основоположников британского руссиеведения был У. Морфилл (W. R. Morfill). Еще, будучи студентом Оксфорда, он увлекся изучением славянских языков. В 1870 году - прочитал курс по славяноведению, и стал первым специалистом по России среди профессоров Оксфорда. За свою карьеру ему удалось выпустить ряд справочных пособий по России, которые пользовались популярностью в Великобритании, а так же книгу «Россия» [Morfill 1891]. До 1907 года это работа была переиздана 7 раз и имела репутацию одного из самых авторитетных изданий о России. Вслед за У. Морфиллом в 1874 году появляется публикация 4 лекций по русской истории У. Рольстона (W. Rolston). Позже, в начале XX века, академической историей России заинтересуется и Б. Пэйрс (B. Pares), который станет профессором русской истории, языка и литературы в Ливерпульском университете и возглавит Школу Славянских и Восточноевропейских исследований в Лондонском университете [Pares 1961].

И все же, самым значимым британским трудом XIX – начала XX о России принято считать двухтомник Дональда Макензи Уоллеса (D. M. Wallace) - «Россия» [Wallace 1905]. На Западе эта работа признана образцовым исследованием по истории нашей страны. Д. М. Уоллес был одним из первых британцев, кто взгля-